

Научная статья

УДК 811.161.1:811.161.3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект

Наталья Валентиновна Соловьёва

Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка

Минск, Республика Беларусь

n.solovyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Аннотация

Рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики в рамках полемики о традиционности и преемственности царского титула, которая развернулась между московским государем Борисом Годуновым и литовскими послами во главе с канцлером Великого княжества Литовского (ВКЛ) Львом Сапегой в 1600–1601 гг., проанализированы типы аргументов *pro et contra*, условия использования речевых уловок.

В силу отсутствия значительного опыта международного дипломатического общения линия коммуникативного поведения московской стороны оказывается слишком прямолинейной и открытой и базируется либо на рациональных доводах, зачастую не имеющих достаточного фактического подтверждения, либо на прямых угрозах, демонстрирующих уверенность Бориса Годунова в своем превосходстве и готовность к радикальному решению титулатурного вопроса.

Ключевые слова

дипломатическая полемика, царский титул, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, аргументация, речевая манипуляция, Борис Годунов, Лев Сапега

Для цитирования

Соловьёва Н. В. Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

The Titular War of the Moscow State with the Grand Duchy of Lithuania at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Communication and Pragmatic Aspect

Natalia V. Solovyova

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Minsk, Belarus

n.solovyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Abstract

Purpose. The struggle for the royal title recognition was one of priorities in the foreign policy of the Moscow State in diplomatic relations with the Grand Duchy of Lithuania (GDL) at the turn of the 16th – 17th centuries. The purpose of the article is to identify the communication and pragmatic features of the controversy about the title “tsar” between

the Russian monarch Boris Godunov and the Lithuanian ambassadors, which was preserved in the documents of the embassy of the GDL's Chancellor Lew Sapieha to Moscow (1600–1601).

Results. The main communication strategy of Boris Godunov in obtaining the recognition of the royal title was rational argumentation: succession by the right of inheritance and conquest, recognition by Christian and Muslim rulers, observance of the necessary rituals and diplomatic protocol. However, the key arguments of the Russian monarch were regarded by the Lithuanian side as a manipulative influence attempt, since they did not have sufficient documentary and factual confirmation. In turn, Lithuanian ambassadors also used verbal manipulation: deliberate substitution of the meaning of words, appeal to “God’s justice” and opponent’s emotions.

Conclusion. Despite the failure to achieve recognition of the royal title, the analyzed polemics played an important role in the development of Russian diplomatic communication, since: 1) it let clearly formulate the official position of the Russian government and systematize relevant arguments in favor of the royal title, 2) stimulated the search for new communication strategies and tactics to legitimize the royal title in foreign policy relations with the GDL.

Keywords

diplomatic polemics, royal title, communication strategies, communication tactics, argumentation, speech manipulation, Boris Godunov, Lew Sapieha

For citation

Solovyova N. V. The Titular War of the Moscow State with the Grand Duchy of Lithuania at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Communication and Pragmatic Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

Введение

Одним из ключевых направлений внешней политики Московского государства по отношению к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ) во 2-й половине XVI в. стала борьба московской дипломатии за признание литовской стороной царского титула. Так называемая «титулатурная война» [Хорошкевич, 1994; Филюшкин, 2006] между соседними государствами началась в конце 1540-х гг., когда Ивану IV – первому московскому государю, официально принявшему царский титул, неожиданно для себя пришлось отстаивать право называться царем в дипломатической коммуникации с королем Сигизмундом II.

Этот раунд борьбы за титул был проигран московской стороной: ни Сигизмунд II, ни его преемник Стефан Баторий так и не признали Ивана IV «царем» и «самодержцем». Причину этого исследователи усматривают прежде всего в отсутствии четкого и последовательного обоснования легитимности царского титула, а также в неготовности русской дипломатии отстаивать его на международном уровне [Филюшкин, 2006, с. 127–129].

После некоторого затишья в эпоху правления последнего из Рюриковичей – царя Федора Ивановича, титулатурная война Москвы с ВКЛ разгорелась вновь с приходом к власти в 1598 г. Бориса Годунова. Первый русский избранный, а не «прирожденный» государь отчаянно нуждался в укреплении своего авторитета как на внутренне-, так и на внешнеполитическом уровне, и вопрос о легитимизации царского титула для московской стороны в это время снова становится одним из приоритетных в дипломатических отношениях с Литвой.

Упоминания о титулатурных спорах Бориса Годунова и польско-литовского государя Сигизмунда III в научной литературе фрагментарны и встречаются преимущественно в исследованиях исторической и литературоведческой направленности (см. [Прохоренков, 2018; Кавалёв, Казбярук, 1999; Tyszkowski, 1927; Gajda, 2011] и др.). Вместе с тем лингвистический аспект титулатурной войны Московского государства и ВКЛ на рубеже XVI–XVII вв., который до сих пор не был предметом научного изучения, чрезвычайно интересен с точки зрения становления языка русской дипломатии и подразумевает не только анализ лексики терминологического характера и устойчивых языковых формул, но и исследование особенностей выстраивания коммуникативных стратегий, использование приемов аргументации и речевых манипуляций, что логично следует из самой сущности дипломатической коммуникации – с помощью языкового инструментария добиться определенных политических целей на выгодных для себя условиях. В этом отношении XVI в. оказался переломным и особенно значимым для Московского государства, ведь после двух с половиной веков вассальной зависимости и невозможности осуществлять самостоятельную внешнюю политику

ку русским правителям и дипломатам предстояло утвердиться на международной арене и восполнить недостающий опыт внешнеполитической коммуникации.

Материал и методы исследования

Уже в 1600 г., вскоре после избрания Годунова на царство, в Москву отправилось литовское посольство в составе канцлера ВКЛ Льва Сапегы, каштеляна Варшавского Станислава Варшицкого и писаря ВКЛ Гелиаша Пельгримовского. Целью посольской миссии являлось подписание мирного соглашения с Московским государством, крайне необходимого ВКЛ в условиях непростой международной обстановки на границах государства [Флоря, 1973, с. 142–143]. Г. Пельгримовский, выполнявший обязанности секретаря дипломатической миссии, вел дневниковые записи, где не только описывал подробности пребывания литовских послов в Москве, но и размещал стенограммы переговоров и копии посольских документов.

Оригинальные заметки (или прозаический дневник ¹) Г. Пельгримовского, не сохранились, однако известны несколько копий, воспроизводящих отдельные фрагменты первоисточника [Tyszkowski, 1927, s. 2]. Материалом для настоящего исследования послужила наиболее полная сохранившаяся копия прозаического дневника Г. Пельгримовского, текст которой был опубликован в 2002 г. Институтом истории Литвы (Lietuvos istorijos institutas) с сохранением языковых особенностей рукописного оригинала ² – «Pilgrimovijus E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m» (Pilgrimovijus, 2002). Несмотря на отсутствие датировки и подписи, установлено, что время создания копии практически совпадает со временем появления оригинального дневника: не позднее 1-й половины XVII в. (Pilgrimovijus, 2002, s. 11–12), что минимизирует вероятность существенных орфографических и лексических расхождений и, соответственно, обуславливает ценность данного текста не только как исторического, но и как лингвистического источника.

Как следует из записей Г. Пельгримовского, московская сторона наотрез отказалась от переговоров до тех пор, пока не будет решен вопрос о царском титуле. В результате первая переговорная сессия была посвящена исключительно обсуждению титулования русского государя. Кроме того, от имени царя Бориса литовской стороне был вручен письменный документ – своего рода нота с претензией польско-литовскому королю Сигизмунду III и прибывшим послам о неполном именовании русского монарха «не по царскому достоянию» и перечнем аргументов, которые, по убеждению московских дипломатов, являлись достаточным обоснованием традиционного и легитимного характера царского титула. Список этого документа сохранился в составе дневниковых записей Г. Пельгримовского под заглавием «Cedula od Moskwy podana o Carski Tytul» (Pilgrimovijus, 2002, s. 35–38). На полученную от московских бояр ноту участники посольской миссии ВКЛ подготовили письменный ответ (в состав прозаического дневника этот текст включен под заглавием «Respons Ich Mci na te cedule Moskiewska, o Carski Tytul» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38–41), предприняв попытку разбить доводы политических оппонентов контраргументацией.

Поскольку оба текста – и претензия московской стороны, и ответ литовских послов – сохранились в записях Г. Пельгримовского, на страницах дневника возник своего рода заочный полемический диалог о титулатуре московского государя, где каждая сторона пыталась любой ценой отстоять свой взгляд на исконность и легитимность царского титула, используя арсенал разнообразных коммуникативных средств. Таким образом, выбор методов исследо-

¹ В начале XVII в. на основе прозаических заметок Г. Пельгримовским была написана эпическая поэма «Poselstwo i krotkie spisanie rozprawy z Moskwa», известная также как «рифмованный дневник»; см.: Pielgrzymowski E. Poselstwo i kratkie spisanie rozprawy z Moskwa. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego. Warszawa, 2010. 453 s.

² Рукопись находится в Научной библиотеке Польской академии знаний и Польской академии наук (Biblioteka naukowa PAU i PAN) в Кракове.

вания – риторический и дискурс-анализ в сочетании с культурно-исторической интерпретацией – полностью предопределен целью работы и спецификой языкового материала.

Оба текста написаны «латинкой» с соблюдением принципов, сформированных под влиянием польского письма (*sz* [ш], *cz* [ч], *ch* [х] и т. д.), и в целом отражают фонетические особенности языка официального делопроизводства ВКЛ XV–XVII вв.³ При этом важно заметить, что формуляр списка текста, переданного московской стороной литовским послам, в том числе invocatio и intitulyacja, соответствует старорусским дипломатическим текстам эпохи, что свидетельствует о стремлении переписчика сохранить содержательные особенности оригинального документа.

Обсуждение и результаты

Центральное место в системе доводов московской стороны занимает **аргумент преемственности по праву наследования**, основанный на легенде о «дарах Мономаха», повествующей о передаче символов верховной власти византийских императоров князю Владимиру Мономаху: «*Nam Wielikim Hospodarom Boh dal od preznich Wielikich Hospodarey Carey Rosijskich po czen od Wielikoho Hospdra Wladymierza Monomacha ot hrek vvysoko dostoinieyszoho czesc wosprieniszoho u wienczan Czarskim Wiencom u diademoiu ot wielikich Hospdrey od Constantinopolskich Carey*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37).

Легенда о «дарах Мономаха», однако, не более чем политический миф, возникший на рубеже XV–XVI вв. и впервые упомянутый в «Сказании о князьях Владимирских» и чине венчания Дмитрия Ивановича «Внука» [Бычкова, 1993, с. 251] – текстах, имеющих на внутригосударственном уровне программный характер с точки зрения обоснования и укрепления формирующегося в то время института царской власти. Во внешнеполитической коммуникации эта легенда впервые прозвучала в 1549 г., когда московские послы, отправленные Иваном IV для ратификации перемирия, получили наказ объявить Сигизмунду II, «абы его Королевская милость въ листе докончалномъ и во всихъ инъшихъ справахъ своихъ Господарихъ Царемъ писалъ по венчанью его, которое онъ маеть отъ предковъ своихъ Великихъ Князей меновите отъ Великого Князя Киевского Манамаха» (КПИМ-I, с. 51).

Тогда, в середине XVI в., попытка использования мифа о «дарах Мономаха» в качестве инструмента легитимизации царского титула на международном уровне потерпела неудачу лишь по причине изменившихся геополитических условий (Киев в это время входил в состав ВКЛ и, соответственно, претендовать на наследование титула киевского князя в 1649 г. мог в равной степени и Сигизмунд II), не встретив в остальном сколь-нибудь серьезных возражений со стороны литовской знати. Однако через полвека ответ Л. Сапеги, данный Борису Годунову, продемонстрировал глубокое и скрупулезное изучение этого вопроса литовской стороной: «*Nieslychali iesmo toho niiodkoho tolko od was u nieczytali toho wzadnych Kroynikach wktorych opisany suc wsi dziei*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 39). Констатируя таким образом фактическое искажение действительности в послании, полученном от московских дипломатов, литовские послы не преминули намекнуть на нарушение принципа династической преемственности и нанесли тем самым удар по болезненному самолюбию Бориса Годунова.

Тем не менее использование русской стороной легенды о «дарах Мономаха» в качестве фактологического довода вряд ли можно рассматривать как попытку преднамеренной манипуляции, поскольку в XVI в. на фоне активных процессов становления этнического самосознания миф о царе Мономахе очень органично встроился в концепцию национальной идентичности, став неотъемлемой частью представления русского общества о себе – тем самым «изобретением прошлого» (термин Л. А. Репиной [2012, с. 7]), которое снимало противоречия в настоящем и объясняло причины происходящих событий. Именно поэтому для москов-

³ В качестве обозначения письменного языка ВКЛ в лингвистических исследованиях используются термины «рус(ь)ка мова», «проста мова», «старобелорусский язык», «западнорусский язык» и др. Подробнее о существующих подходах и терминологии см. [Мякишев, 2008].

ской стороны исконность и преемственность являлась ключевым и вполне логичным доводом в обосновании легитимности царского титула, несмотря на объективные, казалось бы, контраргументы литовских дипломатов.

Преемственностью по праву завоевателя объясняется появление титула *царь* с «географическими» титулами в составе официального именованья русского государя – *царь Астраханский, царь Казанский, царь Сибирский*.

Титулы «царь Казанский» и «царь Астраханский» впервые появились в официальном именовании русского государя после завоевания московскими войсками Казанского (1552 г.) и Астраханского (1554 г.) ханств, правители которых в старорусских деловых документах именовались царями. В середине XVI в. боевые успехи Москвы пришлись как нельзя кстати и в титулатурной войне: в попытке склонить литовскую знать к признанию русского государя царем этот факт стал одним из ключевых аргументов: «а нынѣ государю нашему Богъ даль къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ госдарствахъ и вѣчно цари же были» (Сб. РИО, т. 59, с. 452).

Практика наследования титула правителя завоеванных земель вслед за Иваном IV была использована для легитимизации царского титула и Борисом Годуновым, который к титулам «царь Казанский» и «царь Астраханский» добавил титул «царь Сибирский» после окончательного подчинения Сибири в 1598 г.: «Nietokmo szto rosyskoho Hspdrstwa Carskoie, umienowanie boh Nam podarowal y musulmanskich Hspdrstw Carstwa Kazanskoho y Astrachanskoho y Sibirskoho» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37). Впрочем, в отличие от первого раунда титулатурной войны, на рубеже XVI–XVII вв. этот довод в системе аргументации московской стороны вряд ли можно назвать ключевым: о титулах «мусульманских господарств» в рассматриваемом документе упоминается лишь вскользь, как бы между прочим, что вполне объяснимо. Московская сторона сделала вывод из неудачи полувековой давности, когда, мотивируя свой отказ называть Ивана IV царем, Сигизмунд II заметил, что так называют только «бусурманских» правителей, «а онъ, братъ нашъ, есть Господаремъ Христианьским» (КПМ-I, с. 96). Однако в то же время Сигизмунд II указывал и на то, что среди христианских монархов лишь цесарь – император Священной Римской империи имеет право на царский титул (КПМ-I, с. 51), эксплицируя тем самым очевидное противоречие – царем может называться только наиболее авторитетный из христианских монархов и в то же время все «бусурманские» правители, которое усугублялось традицией написания титула *црь* «под титлом».

Вероятно, правящей элите ВКЛ так и не удалось разрешить сложившееся в середине XVI в. противоречие, связанное с непониманием семантики русского титула *царь* и его места в иерархии европейских монархов, в результате чего довод преемственности по праву завоевателя, использованный Борисом Годуновым в полемическом споре с литовскими послами, был проигнорирован в ответном послании канцлера Л. Сапеги.

Еще одним веским аргументом в пользу легитимности царского титула являлось, по мнению московской стороны, его **«всеобщее признание»**: «proslawlena nasza prewysoczayszaiа Carskaia Stepien Wieliczestwa slawoiu y czestiu *wowsiey* wseleniem ot *wsich* wielikich Hspdrej, y *wsie* Wielikiie Hspdry Cesar Rymski y Korol Hiszpanski y *wsie* Chrescianskie Hspdry y Koroli, y Naywyzszy Papa Rymski y Musulmanskie Hspdry Szach Perski y Soltan Turski y o te Musulmanskiie Hspdry *wsie* opisuiuc Nasze Carskoie imia s polnym Carskim imienowaniem» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37). Помимо апелляции к авторитету группы в данном случае усматривается и попытка суггестивного воздействия на оппонентов за счет гиперболизации и лексического повтора: неоднократное употребление форм местоимения *весь* (= ‘без исключений’), расширяет авторитет перечисленных (немногочисленных!) правителей до масштабов большинства.

Особое внимание в системе обоснования легитимности царского титула московская сторона уделила фактам венчания Годунова на царство и своевременного оповещения об этом польско-литовского монарха, которые можно было бы обозначить как **«аргументы к традиции»**. При этом венчание как внутрироссийская практика легитимизации власти не имело

особой значимости на международном уровне в отличие от обычая «сослаться» и «государство обвести», по которому новый монарх грамотой через посольных должен был уведомить соседних и дружественных государей о своем монаршем статусе. Для московской стороны этот момент был крайне важен, поскольку в середине XVI в. именно отсутствие такого рода уведомления стало для Сигизмунда II одним из поводов не признавать царский титул Ивана IV. И вот спустя почти полвека русский государь намеренно заострил внимание на том, что на этот раз всё сделано в соответствии с традицией: «posylali y Zygimontu Korolu Hspdrstwo Nasze obwiescici poslannika naszoho y Dworanina Dumnoho y Iasielniczoho y Namiesnika Mozayskoho Michayla Ihnaciewicza Tatiszczewa Diaka Iwana Maximowa y znimi y Zygmontu Korolu *prykazowal*, cztob Zygmont Korol pisal knam y Wielikomu Hspdru s polnym Carskim imienowaniem» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38).

Последнее замечание, впрочем, глубоко возмутило Льва Сапегу с товарищами: «nikomu sie nie zoynet tak wielikomu Hspdru *prykazowac*, nikomu Wielikiie Hspdry nieposluszni tolko samomu bohu, y Wasz Hspdr Korola JE Mci Hspdru Naszomu niczoho *prykazowaci niemozec*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41). «Возмущение» литовских послов здесь, однако, не что иное, как коммуникативная уловка, основанная на эквивокации многозначного глагола *приказывати*, который в языке эпохи, помимо прочих, имел значения ‘рассказать’ или ‘уведомить’ (СРЯ XI–XVII, вып. 19, с. 173). Во 2-й половине XVI в. практика «приказов» являлась стандартной формой дипломатической коммуникации московского и польско-литовского монархов и не имела модальности жесткого императива, скорее подразумевая настойчивую просьбу или пожелание⁴. Обыгрывая в своем ответе значения ‘приказать’ и ‘уведомить’, Лев Сапега хотел вызвать чувство неловкости и расшатать тем самым позиции уверенных в своей правоте оппонентов.

В попытке отстоять царский титул Борис Годунов также не ограничивается только рациональной аргументацией и в свою очередь пытается воздействовать на эмоции оппонентов, упрекая польско-литовского монарха во враждебности: «Zygmont Korol <...> *nielubie okazuiet Nasze Carskie Wieliczestwo opisuiet, niespolnym Carskim ymienowaniem*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38).

В целом во второй части царского послания риторика Бориса Годунова кардинально меняется: логические доводы уступают место аргументации «ad baculum» («к палке») – шантажу и угрозам, традиционно рассматриваемым как тактики конфронтационной коммуникативной стратегии [Иссерс, 2008, с. 70]: «budet Zygmont Korol naszoho Carskoho ymienowania nieopisze spolna po Naszomu Carskomu dostoianiu, y miez naszoho Carskoho wieliczestwa y Hspdra Waszoho Zygmonta Korola <...> *pokoy Chrzescianski statysiq niemozet ykrowo rozlicie wo chrzescianstwie nieperestanet* A Hspdra Waszoho Zygmonta Korola *Zygmontom Polskim y Wielikim Kniazem Litowskim a nie Korolem*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38). Цель столь агрессивного речевого поведения вполне понятна – оказать психологическое давление на литовских послов, обрисовав возможные последствия в случае дальнейшего обращения к русскому государю «не с полным царским именованьем», и тем самым с позиции силы принудить их к принятию выгодного Годунову решения.

Ответом на декларативные угрозы московской стороны в этой заочной полемике стала известная фраза Льва Сапегу: «Woynu poczac Wy mozecie ale koniec Woynu w rukach Bozych» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41), которая не только вскрывала несостоятельность «палочных» доводов, но и недвусмысленно напоминала о неблагоприятном для московской стороны исходе силового решения титулатурного спора Ивана IV с польско-литовскими правителями в середине XVI в. В то же время литовские послы со всей очевидностью понимали решитель-

⁴ Для интерпретации семантики глагола *приказывати* в дипломатических документах эпохи показателен, например, фрагмент переговоров литовских послов с боярами (1553 г.): «и коли межь государей вѣчное доброе пожитье станетца <...> государь вашь тогды о том своем имени къ государю нашему *прикажетъ*, и государь нашъ то учинить знаменито, обошлетца о томъ съ папою и съ цесаремъ и зъ братомъ его съ Фердинандомъ» (Сб. РИО, т. 59, с. 395)

ность царя в решении титулатурного вопроса и всячески пытались сгладить конфронтацию, прибегнув к тактике солидаризации с акцентом на территориальное, конфессиональное и языковое единство ВКЛ и Московского государства, что проявляется в использовании лексических средств со значением общности: «Wy sami wiedaiecie szto iesmy sobie susiedy», «kotoryiestescie znamy odnoho Narodu y iezyka Slowienskoho y odnoie wiery» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41).

Заключение

В титулатурной полемике Бориса Годунова с литовскими послами, развернувшейся в 1600–1601 гг. во время дипломатической миссии канцлера ВКЛ Льва Сапеги в Москву, основной коммуникативной стратегией московской стороны по вполне объяснимым причинам стала стратегия аргументации⁵. При отсутствии значительного опыта международного общения использование рациональных доводов для того, чтобы убедить литовских оппонентов в традиционном и легитимном характере титула *царь* в составе титулатуры русских монархов, представлялось для московского государя и переговорщиков наиболее понятным и логичным.

При этом к новому витку титулатурной войны, развернувшейся между государствами еще в середине XVI в., московская сторона подошла гораздо более подготовленной. Наивная и фрагментарная аргументация эпохи Ивана IV в послании Бориса Годунова литовским дипломатам сменилась последовательной системой логических доводов, среди которых: 1) апелляция к социально-общественным нормам эпохи, предполагающим преемственность титула как по праву наследования, так и по праву завоевания; 2) апелляция к авторитету – в данном случае к авторитету группы, сообщества христианских и мусульманских правителей; 3) апелляция к традиции, что подразумевает выполнение устоявшихся ритуализованных действий и дипломатического протокола. С учетом сложившейся на рубеже XVI–XVII вв. геополитической ситуации Борис Годунов решает прибегнуть и к использованию агрессивных коммуникативных тактик, рассчитывая запугать литовских оппонентов и продемонстрировать готовность заполучить титул любой ценой, что тоже вполне оправданно в рамках полемического дискурса.

Вместе с тем избранная московской стороной линия коммуникативного поведения слишком открыта и прямолинейна: от перечисления доводов фактологического (и псевдофактологического) характера к декларативным угрозам. Все попытки речевых манипуляций при этом остаются на поверхности, легко «считываются» и игнорируются литовскими оппонентами, которые, в свою очередь, пытаются уйти от открытой конфронтации.

Во время посольства Льва Сапеги в Москву спор о царском титуле так и не был завершен. Решение титулатурного вопроса было отложено до ответного визита русских послов к Сигизмунду III для ратификации перемирного соглашения, что лишь подстегнуло московскую власть и дипломатов к поиску новых средств коммуникативного воздействия и совершенствованию коммуникативных стратегий и тактик дипломатической полемики в отстаивании государственных интересов.

⁵ В современных исследованиях наряду с термином «стратегия аргументации» / «аргументативная стратегия» в качестве обозначения коммуникативной стратегии, направленной на убеждение адресата, используются термины «стратегия убеждения» и «персуазивная стратегия» (например, [Паршина, 2007; Полуйкова, 2010] и др.). Исчерпывающий анализ существующих подходов к соотношению и определению объема понятий «убеждение», «персуазивность» и «аргументация» представлен в [Туманова, 2015]. Использование термина «стратегия аргументации» в настоящем исследовании акцентирует рациональный, логический характер доводов московской стороны в полемике с литовскими послами.

Список литературы

- Бычкова М. Е.** Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг.: воплощение идеи власти государя // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. P. 245–255. DOI 10.3406/cmr.1993.2351
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
- Мякишев В. П.** Язык Литовского статута 1588 г. Krakow: Lexis, 2008. 717 S.
- Паршина О. Н.** Российская политическая речь: теория и практика. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
- Полуйкова С. Ю.** Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Т. 4, вып. 10. С. 63–67.
- Прохоренков И. А.** Проект польско-российской унии на страницах дневников Гелиаша Пельгримовского // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 3. С. 702–717. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
- Репина Л. П.** Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Туманова Г. А.** Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 283 с.
- Филюшкин А. И.** Титулы русских государей. СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
- Флоря Б. Н.** Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1973. 224 с.
- Хорошкевич А. Л.** Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 23–42.
- Кавалёў С., Казбярук У.** Письменнік, палітык эпохі рэнесансу // Спадчына. 1992. № 4. С. 28–53.
- Gajda M.** Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta // *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne*. 2011. № 12/1. S. 124–144. (на пол. яз.)
- Tyszkowski K.** Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow, 1927. 88 s. (на пол. яз.)

Список источников и словарей

- КПМ-I – Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). М.: Университетская типография, 1843. 516 с.
- Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867–1916.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; СПб.: Нестор-История, 1975–2019. Вып. 1–31.
- Pilgrimovijus E.** Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m.; Lietuvos istorijos institutas; parengė Jūratė Kiaupienė. Vilnius: Žara, 2002. 112 p. (на лит. яз.)

References

- Bychkova M. E.** Obryady venchaniya na prestol 1498 i 1547 gg.: voploshchenie idei vlasti gosudarya [The crowning rituals of 1498 and 1547: the incarnation of monarchic power ideas]. *Cahiers du monde russe et soviétique* [Notes of the Russian and Soviet World]. 1993, vol. 34, no. 1–2, pp. 245–255. (in Russ.) DOI 10.3406/cmr.1993.2351
- Filyushkin A. I.** Tituly russkikh gosudarei [Titles of Russian sovereigns]. St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2006, 256 p. (in Russ.)

- Florya B. N.** Russko-pol'skie otnosheniya i baltiiskii vopros v kontse XVI – nachale XVII v. [Russian-Polish relations and the Baltic question at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. Moscow, Nauka, 1973, 224 p. (in Russ.)
- Gajda M.** Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta [Lew Sapieha's mission to Moscow in the years 1600–1601 in the light of Polish diplomatic relations and the relations between Isaac Massa and Jacques Margeret]. *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne [Piotrkow Historical Notes]*, 2011, no. 12/1, pp. 124–144. (in Pol.)
- Issers O. S.** Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow, LKI, 2008, 288 p. (in Russ.)
- Kavaleu S., Kazbyaruk U.** Pis'mennik, palityk epokhi renesansu [Writer, politician of the Renaissance]. *Spadchyna [Heritage]*, 1992, no. 4, pp. 28–53. (in Belarus.)
- Khoroshkevich A. L.** Tsarskii titul Ivana IV i boyarskii “myatezh” 1553 goda [The Tsar's title of Ivan IV and the boyar “rebellion” of 1553]. *Otechestvennaya istoriya [Domestic History]*, 1994, no. 3, pp. 23–42. (in Russ.)
- Myakishev V. P.** Yazyk Litovskogo statuta 1588 g. [The language of the Lithuanian Statute of 1588]. Krakow, Lexis Publ., 2008, 717 p. (in Russ.)
- Parshina O. N.** Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika [The Russian political speech: theory and practice]. Moscow, LKI, 2007, 232 p. (in Russ.)
- Poluikova S. Yu.** Persuazivnye strategii v sovremennom prosvetitel'skom diskurse [Persuasive strategies of the modern enlightening discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]*, 2010, vol. 4, iss. 10, pp. 63–67. (in Russ.)
- Prokhorenkov I. A.** Proekt pol'sko-rossiiskoi unii na stranitsakh dnevnikov Geliasha Pel'grimovskogo [The Project of Polish-Russian Union in Geliash Pelgrimovsky's Diaries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Herald of Saint Petersburg University. History]*, 2018, vol. 63, iss. 3, p. 702–717. (in Russ.) DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
- Repina L. P.** Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati [Experience of social crises in historical memory]. In: Repina L. P. (ed.) *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati [Crises of turning points in historical memory]*. Moscow, Institute of General History RAS Publ., 2012, pp. 3–37. (in Russ.)
- Tumanova G. A.** Kommunikativnaya strategiya ubezhdeniya i osobennosti ee realizatsii v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Communication strategy of persuasion and features of its implementation in political discourse (based on the material of the Russian and German languages)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2015, 283 p. (in Russ.)
- Tyszkowski K.** Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. [Lew Sapieha's mission to Moscow in 1600]. Lwow, 1927, 88 p. (in Pol.)

List of Sources and Dictionaries

- Kniga posol'skaya metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda Avgusta (s 1545 po 1572 g.) [The book of ambassadorial metrics of the Grand Duchy of Lithuania, containing the diplomatic relations of Lithuania during the reign of King Sigismund Augustus (from 1545 to 1572)]. Moscow, University Printing House, 1843, 516 p.
- Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. In 148 vols. St. Petersburg, 1867–1916.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–2019, iss. 1–31. (in Russ.)

Pilgrimovijus E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m. [The Great Embassy of Leon Sapiega to Moscow, 1600–1601]; Lietuvos istorijos institutas [Lithuanian Institute of History]. Vilnius, Žara, 2002, 112 p. (in Lith.)

Информация об авторе

Наталья Валентиновна Соловьёва, кандидат филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57212601504

Information about the Author

Natalia V. Solovyova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57212601504

*Статья поступила в редколлегию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 28.02.2024
The article was submitted on 29.01.2024;
approved after reviewing on 25.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024*